

Пугаченко Анастасия Викторовна

О ДЕГУМАНИЗАЦИИ КАК ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

Статья посвящена анализу конфликта гуманизма и дегуманизации в поэтическом искусстве, теории литературы и эстетике. Внимание акцентируется на необходимости разграничения эстетического и этического аспектов проблемы дегуманизации. Выяснено, что дегуманизация касается как содержания, так и поэтического искусства в целом, причем в последнем случае она приводит к его разрушению. Доказано, что и гипертрофированно-человеческое по содержанию искусство, и искусство, ориентированное на дегуманизацию, - лишь две стороны одной проблемы кризиса гуманизма и поэтического искусства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 130-132. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена анализу конфликта гуманизма и дегуманизации в поэтическом искусстве, теории литературы и эстетике. Внимание акцентируется на необходимости разграничения эстетического и этического аспектов проблемы дегуманизации. Выяснено, что дегуманизация касается как содержания, так и поэтического искусства в целом, причем в последнем случае она приводит к его разрушению. Доказано, что и гипертрофированно-человеческое по содержанию искусство, и искусство, ориентированное на дегуманизацию, – лишь две стороны одной проблемы кризиса гуманизма и поэтического искусства.

Ключевые слова и фразы: конфликт гуманизма и дегуманизации; теоретико-литературные дискурсы; —редел” искусства; поэтическое искусство; ποιησις.

Пугаченко Анастасия Викторовна*Донецкий национальный университет, Украина**rigachenko@telenet.dn.ua***О ДЕГУМАНИЗАЦИИ КАК ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ[©]**

Проблема дегуманизации поэтического искусства сложная и неоднозначная. Так, В. В. Набоков назвал дегуманизованное искусство фарсом [9, с. 238]. Зато П. Валери подверг сомнению гуманистические принципы искусства: «Невозможно мыслить – всерьез – с помощью терминов: –классицизм”, –романтизм”, –гуманизм”, –реализм”... <...> Бытьчеловеческим этикетками нельзя ни опьяняться, ни утолять жажду» [3, с. 146]. Налицо конфликт гуманизма и дегуманизации, охватывающий как этическую, так и эстетическую сферы, с которыми граничат персоналистский и эйдосный теоретико-литературные дискурсы соответственно (согласно классификации А. В. Домашенко (см.: [8, с. 51])).

Необходимость различать этическую и эстетическую точки зрения на проблему дегуманизации вытекает из метафизической природы представляющего мышления, из сущности познавательного акта, призванного, в отличие от непосредственно эстетического созерцания, анализировать, то есть разделять, а не объединять (об объединяющей роли поэзии (ποιησις) см. в «Защите поэзии» П. Б. Шелли (см.: [14, с. 411])). В «Дегуманизации искусства» Х. Ортега-и-Гассет рассматривает дегуманизацию как волю к стилю (эстетический аспект) и тенденцию к очистке искусства от «человеческого, слишком человеческого» багажа искусства позапрошлого века (этический аспект), однако, роль дегуманизации в восстановлении утраченного эстетического критерия сформулирована им неоднозначно.

Как призыв снова разграничить жизнь и искусство дегуманизация имеет положительный смысл. Вызывает сомнения определенная категоричность выбора между «человеческой» и «дегуманизированной» (последнюю Х. Ортега-и-Гассет отождествляет с эстетической) точками зрения. По мнению философа, тот, кто занимает эстетическую точку зрения относительно объекта (например, художник, наблюдающий за умиранием знаменитого человека), должен оставаться абсолютно равнодушным к внутреннему, этическому смыслу изображенного, поскольку, полагает автор, эстетическое наслаждение принципиально отличается от тех переживаний, которые сопровождают человека в повседневной жизни (см.: [11, с. 234, 238-239]). Но В. В. Вейдле, напротив, отмечает: «Упиваться гармонией, сочувственно следить за вымыслом – два равноценных пути к причастию радостям искусства» [4]. Также и Н. Гартман утверждает, что созерцающий должен одновременно быть вовлеченным в ситуацию и противостоять ей как наблюдатель, оценивая морально и одновременно эстетически. Причем такая позиция возможна и в жизни (см.: [5, с. 184]).

Итак, говоря о сущности эстетического созерцания, Н. Гартман подразумевает именно то двойное видение, которое отрицает Х. Ортега-и-Гассет, когда приходит к выводу, что дегуманизованная, эстетическая точка зрения противоположна гуманизированной, человеческой точке зрения, с которой мы «переживаем» ситуации, людей или предметы, а не отстраненно их наблюдаем (см.: [11, с. 234]).

Ситуации, люди и предметы составляют содержание художественного произведения, и в этом содержании, взятом в чистом виде, действительно нет ничего специфически эстетического, однако оно, по мнению А. В. Домашенко, «одновременно изолируется от самой жизни и в то же время не может быть от нее изолировано». Содержание мы именно переживаем, а не созерцаем: «Содержание не завершается, а раскрывается в образах: чтобы его понять, его нужно пережить (курсив автора – А. П.) – оно именно жизненное, тогда как завершенное осуществляется в пространстве и времени и открывается наглядному представлению» [7, с. 92, 93]. Таким образом, суть проблемы не в том, что реалистическое искусство прошлого было перенасыщено «человеческим» материалом, поскольку чистая художественная форма, лишенная смысла, превращается в формулу, которая может быть и не подразумевает никакого смысла и которой смысл можно только навязать. Суть в том, что В. В. Вейдле назвал «истончением художественной ткани» произведения, то есть в недоуплотненности образов, опосредующих жизненное содержание в завершенном художественном целом.

Таким образом, иконоборческая тенденция (т.е. борьба с образом) в новом искусстве, с эстетической точки зрения, оказывается бесплодной. В. В. Вейдле пишет: «Бесформенность и формализм, документы и пустая техника – явления соотносимые и равнозначные, симптомы того же распада. Распад можно только ускорить, если усилить акцент на одной из сторон» [4] (*XIX век усилил акцент на документе, новое искусство – на технике – прим. автора – А. П.*).

В. В. Вейдле ведет начало разрыва между человеком и искусством с эпохи романтизма. На наш взгляд, это связано с тем, что в романтизме абсолютизация человеческого субъекта достигает стадии самоотрицания и выше человека признается идея. Новое дегуманизованное искусство якобы отказывается, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, подменять искусство декларацией идей («Нашего современника моложе тридцати лет довольно сложно заинтересовать книгами, где под видом искусства излагаются идеи» [11, с. 248]), однако, отрицая личностное, человеческое в искусстве, оно неизбежно обращается не к образам, а к тем же идеям: «Пиранделло, наоборот, удается заинтересовать нас персонажами как таковыми – как идеями или чистыми схемами» [Там же, с. 252]. Таким образом, гипертрофированно-человеческое по содержанию искусство XIX века и новое искусство, ориентированное на принципиальную дегуманизацию, – лишь две стороны одной проблемы кризиса гуманизма и поэтического искусства.

Следуя логике Х. Ортеги-и-Гассета, стоит разграничить дегуманизацию в искусстве, охватывающую такие смысловые категории, как сюжет и фабула, и связанную с изытанием человеческого, жизненного материала из произведений, и, собственно, дегуманизацию искусства, касающуюся его духовного содержания (В. В. Вейдле различает духовное содержание (Gehalt) искусств, которое составляет человек, и «фабулу», «сюжет», то есть содержание (Inhalt) в обычном смысле этого слова, которое тоже может составлять изображение реалий человеческой жизни (см.: [4])), его фундаментальных законов и категорий, таких, как поэтическое представление, принципы эстетического завершения, стиль, образ.

Перенасыщенность «человеческим» искусства позапрошлого века касается, прежде всего, содержания (Inhalt), то есть нравственного аспекта, а вот дегуманизация в XX в. направлена не только на содержание, а на искусство в целом, в том числе и на его основные эстетические законы. По мнению Х. Ортеги-и-Гассета дегуманизация может стать для нового искусства общим стилем. Кроме того, философ усматривает в дегуманизации тенденцию к «приращению бытия» (Г.-Г. Гадамер), созданию несуществующего мира. На самом деле искусство не является приращением бытия, а лишь приращением того, в чем инобытийно проявляется бытие (см.: [10, с. 27]) (т.е. образов), а поскольку дегуманизованное искусство отказывается от образов (иконоборчество), то не отказывается ли оно и от внутренней формы, утрачивая, следовательно, связь с областью эстетического?

Мы живем в эпоху завершения ренессансной парадигмы поэтического искусства, которая дошла до стадии самоотрицания – дегуманизации, после преодоления которой, возможно, наступит новый Ренессанс, как прогнозирует В. В. Библихин (см.: [2, с. 36]), или, наоборот, оно будет деградировать в соответствии с логикой дегуманизации. П. Я. Чаадаев писал, что любой чисто человеческий прогресс имеет свой забор [Цит. по: 13, с. 8]. Гуманизм, как установка именно на чисто человеческий прогресс, тоже имеет свой забор, «предел» (А. В. Домашенко) – дегуманизацию. Ситуация «предела» в художественной литературе XIX-XXI вв. – это проявление дегуманизации искусства, в частности поэтического. Ее можно понимать в смысле самоликвидации искусства, которое осознано несоответствие своих форм наличной стадии саморазвертывания абсолютного духа (ведь даже самые возвышенные предметы искусство воплощает в чувственной форме) (см.: [6, с. 14]), или как кризис чувственной формы искусства (П. А. Сорокин), после которого наступит не смерть, а интеграция искусства в идеалистическую или идеациональную системы культуры (см.: [12, с. 429-431]), либо следует ожидать, что исчерпанностью искусства как τέχνη будет обусловлен переход к ποιησις как фундаментальной онтологии лада (А. В. Домашенко). Так или иначе, ситуация «предела», выражая конфликт гуманизма и дегуманизации, ставит под вопрос поэтическое искусство, основанное на примате чувственно-образного воплощения Истины. Однако смерть поэтического искусства (ποιητική τέχνη), даже при условии, что этот диагноз точен, не означает смерти поэзии (ποίησις), которая, как нам известно, конституируется за пределами гуманистической парадигмы.

Подводя итог, можно отметить следующее: проблема дегуманизации искусства, в частности поэтического, – многоаспектна. Если речь идет о внутреннем мире художественного произведения, о его содержании (например, когда автор поднимает проблему обезличивания человека в литературе), то следует говорить о дегуманизации в аспекте этики, и в данном случае дегуманизация, проявившись на уровне предмета изображения, еще не свидетельствует о дегуманизации ποιητική τέχνη в целом. С другой стороны, дегуманизация направлена также на такие основополагающие художественно-эстетические категории, как стиль и образ, и в этом случае она становится проблемой эстетики, с которой граничит эйдосный теоретико-литературный дискурс. Поэтому с теоретико-литературной точки зрения более значимым представляется эстетический аспект дегуманизации, поскольку только посредством стиля и образов непосредственно-жизненное содержание (в котором, как мы помним, нет ничего специфически эстетического) облекается в завершенную художественную форму. Отказ от образа и тенденция к стилизации (понимаемая Х. Ортегой-и-Гассетом не в смысле подражания какому-либо стилю, а как попытка создать новый стиль) разрушают фундаментальные принципы поэтического искусства, благодаря которым «человеческое» содержание (обязательное в любом искусстве) становится художественным (см.: [1, с. 27]).

Список литературы

1. **Артемьев А. И.** Кризис европейской культуры рубежа XIX-XX вв. как детерминанта «нового искусства» в культурологической доктрине Х. Ортеги-и-Гассета // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 24-28.
2. **Бибихин В. В.** Новый Ренессанс. М.: Наука-Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
3. **Валери Поль.** Из «Тетрадей» // Об искусстве. М.: Искусство, 1993. С. 103-152.
4. **Вейдле В. В.** Умирание искусства. Размышление о судьбе художественного творчества [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/read/veydle_vladimir/umiranie_iskusstva.html#0 (дата обращения: 13.05.2014).
5. **Гартман Н.** Эстетика. К.: Ника-Центр, 2004. 236 с.
6. **Гегель Г. В. Ф.** Эстетика: в 4-х т. М.: Искусство, 1968. Т. 1. 312 с.
7. **Домашенко А. В.** Об интерпретации и толковании: монография. Донецк: ДонНУ, 2007. 276 с.
8. **Домашенко А. В.** Филология как проблема и реальность: учебное пособие. Донецк: БГПУ; ДонНУ, 2011. 155 с.
9. **Набоков о Набокове и прочем:** интервью, рецензии, эссе / сост. Н. Г. Мельников. М.: Независимая газета, 2002. 704 с.
10. **Пугаченко А. В.** Истина и три теоретико-литературных дискурса // О тенденциях развития современной теории литературы: монография / отв. ред. А. В. Домашенко. Бердянск: БГПУ, 2010. С. 21-32.
11. **Самосознание европейской культуры XX века:** Мыслители и писатели Запада о месте культуры в совр. об-ве. М.: Политиздат, 1991. 366 с.
12. **Сорокин П. А.** Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
13. **Тарасов Б. Н.** Куда движется история? (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). СПб.: Алетейя, 2001. 348 с.
14. **Шелли П. Б.** Письма. Статьи. Фрагменты. М.: Наука, 1972. С. 411-436.

ON DEHUMANIZATION AS A THEORETICAL-LITERARY AND AESTHETIC PROBLEM

Pugachenko Anastasiya Viktorovna

Donetsk National University, Ukraine

pugachenko@telenet.dn.ua

The article is devoted to the analysis of the conflict of humanism and dehumanization in poetic art, theory of literature and aesthetics. Attention is drawn to the necessity to differentiate aesthetic and ethical aspects of the problem of dehumanization. It is ascertained that dehumanization concerns both content and poetic art as a whole, and in the latter it results in its destruction. It is proved that both hypertrophied-human in content art and art oriented to dehumanization are only two sides of one problem of crisis of humanism and poetic art.

Key words and phrases: conflict of humanism and dehumanization; theoretical-literary discourses; "limit" of art; poetic art; ποιησις.

УДК 372.881.1

Педагогические науки

В статье выделены принципы отбора комиксов для межкультурного обучения. Принцип учебно-методической целесообразности и принцип дидактической культуросообразности положены в основу выделения критериев отбора комиксов. Предложены и охарактеризованы следующие критерии: учет адресата, культуроведческая ценность комикса, присутствие в нем фоновых страноведческих значений (общезвестных в среде носителей языка), наличие сюжетной основы, ситуативно-тематическая релевантность.

Ключевые слова и фразы: отбор комиксов; принципы отбора; критерии отбора; межкультурное обучение; обучение иностранному языку.

Резникова Александра Ивановна

Московский городской педагогический университет

reznikova-aleksandra@mail.ru

ПРИНЦИПЫ И КРИТЕРИИ ОТБОРА КОМИКСОВ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ®

Одним из аспектов проблемы межкультурного обучения на основе комиксов является их отбор. Теоретически обоснованный отбор комиксов является обязательным условием их эффективного использования в процессе обучения иностранному языку.

Вопросы отбора иноязычных текстов для использования в учебном процессе нашли освещение в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, М. Е. Брейгиной, А. В. Щепиловой, Н. Д. Гальсковой, Р. П. Мильруда, С. К. Фоломкиной и др. Однако до сих пор не разработаны критерии отбора комиксов для межкультурного обучения.